

НАДЕЖДА
СОКОЛОВА

ПОЛУФЕЯ-
ПОЛУВЕДЬМА
С КОТОМ

ВО ДВОРЦЕ ИМПЕРАТОРА ДРАКОНОВ

Полуфея-полуведьма

Надежда Соколова

**Полуфея-полуведьма с котом
во дворце императора драконов**

«Автор»

2026

Соколова Н. И.

Полуфея-полуведьма с котом во дворце императора драконов /
Н. И. Соколова — «Автор», 2026 — (Полуфея-полуведьма)

Я - фея и ведьма в одном лице. Пришла с Земли в магический мир
отрабатывать практику. Мне нужно проработать здесь несколько месяцев,
получить заветный сертификат и вернуться на Землю. И никакие красавцы,
даже драконистые, мне в этом не помешают!

© Соколова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Надежда Соколова

Полуфея-полуведьма с котом во дворце императора драконов

Глава 1

— Найра¹ фея, найра фея! Пойдите!

Я обернулась, сдержав тяжелый вздох — такой глубокий, что он, кажется, колыхнул пыль на ближайшем гобелене, изображающем победу какого-то древнего императора над трёхголовым василиском. Коридор в императорском дворце, надо сказать, был длинной с хорошую драконью глотку, а тянулся аж от тронного зала до самой северной башни, где, по слухам, обитала тень прабабки нынешнего монарха и где вечно пахло затхлой магией и плесневелыми свитками. И вот именно в его середине, где вечно гуляли сквозняки и пахло сыростью от древних гобеленов, а каменные плиты были стёрты до блеска миллионами придворных туфель, меня и настиг этот отчаянный вопль. Эхо подхватило его, раскатило по сводам и бросило в лица двум стражникам у дальней двери — те синхронно моргнули, но вида не подали, тренировка.

Вот что им всем нейдет, а? Ни секунды покоя для уставшей феи. Даже крылья сложить нормально не дадут — они у меня, между прочим, после вчерашнего ритуала аж гудели, как ульи после медосбора, и каждое движение отдавалось лёгкой, но назойливой вибрацией где-то между лопаток. Я ещё с утра собиралась замотать их в шёлковую ткань и дать им отлежаться хотя бы до обеда, но нет же — едва переступила порог своих покоев, как снова вызывают. Как будто их дела все такие важные, что подождать не могут. До завтра. А ещё лучше — до следующего месяца. Или года. Или века. Идеально — до следующего переиздания справочника по этикету для высших магических существ, где, надеюсь, крупным шрифтом напишут: «Фея имеет право на сон и тишину».

Я медленно, с достоинством дипломированной выпускницы академии ведьмовства и феячества (красный диплом, между прочим, и две благодарности за практику, одна из которых — за усмирение взбесившегося банши на выпускном балу), развернулась. Каблуки моих сапожек из мягкой чёрной кожи издали короткий, металлический щелчок по камню — я нарочно выбрала эту обувь сегодня, чтобы каждый шаг звучал весомо, как приговор.

Высокая худощавая блондинка с отчаянием на лице довольно быстро добралась до меня с другого конца коридора. Свет факелов, закреплённых в бронзовых держателях, выхватывал из полумрака её острое колено, мелькающее в разрезе юбки, и влажный блеск на висках — на ней было платье из тяжёлого бордового бархата, явно не по погоде, потому что на лбу уже выступила испарина, а под мышками замаячили тёмные круги, которые любая горничная с опытом определила бы как «срочно сменить наряд». И вроде не бежала, а гляди же ты, появилась чуть ли не через пару секунд прямо напротив меня, да так, что подол зашуршал по каменным плитам, словно подметая вековую пыль, а янтарные серьги жалобно звякнули, ударившись друг о друга с такой силой, будто она только что спрыгнула с лошади.

— Найра фея, прошу, помогите мне! — выдохнула она, хватая меня за рукав мантии — за обычный левый рукав, который я, зараза, только вчера отстирывала от травяного настоя, потратив полфлакона лунного мыла и целый вечер на выведение зелёных пятен, которые, как назло, оказались въедливее, чем кровь горного тролля. И вот теперь её пальцы — липкие от волнения и слегка дрожащие — вцепились в ту самую ткань, которую я с таким трудом привела

¹ Найра - вежливое обращение к женщине. К мужчине — найр.

в божеский вид. — Он... Он совсем не обращает на меня внимания! Найра фея, у нас должна быть свадьба! Я во сне видела!

Угу, угу. Ей что-то там приснилось — причём, судя по синеве под глазами, не первый день, и по тёмным полукружьям, которые даже толстый слой пудры не мог скрыть полностью, — а я должна отвечать за ее дурацкие сны. Боги, ну за что, а? Я ведь фея, а не брачное агентство «Рога и копытца». Да я, в конце концов, живое существо, и тоже хочу отдыхать! Хотя бы изредка. Хотя бы полдня без криков «спасите-помогите-приворожите», без запаха палёных свечей и без этого отчаянного блеска в глазах незамужних аристократок, которые видят во мне последнюю инстанцию.

Я аккуратно, но твёрдо высвободила рукав, при этом ощутив, как пальцы Августы судорожно сжались на мгновение, будто она не хотела отпускать единственный якорь в бушующем море отчаяния. Краем глаза заметила, как в дальнем конце коридора прошмыгнула какая-то горничная — замерла, прижав поднос с грязной посудой к груди, и сделала вид, что рассматривает трещину в стене, хотя та, эта трещина, была там ещё со времён прошлой династии и уже обросла целой коллекцией паучьих гнёзд. Сплетницы, боги вас дери. К завтраку весь дворец будет знать, что фея помогала Августе с очередным женихом — а к обеду уже переврут так, что я, дескать, сама выйду замуж за того жениха.

— Найра Августа, у вас уже третий сон с разными женихами, — терпеливо, как уставшая гувернантка, которая в сотый раз объясняет ребёнку, что мышей в сахаре не бывает, напомнила я своей собеседнице, загибая пальцы. Раз — узкий бледный палец в колечке с крошечным аметистом, камень поблёк и царапин на оправе больше, чем у меня пятен на мантии. Два — чуть подрагивающий средний, с заусенцем у ногтя — она, видимо, нервно грызла кутикулу. Три — безымянный, который она так мечтает загрузить обручальным золотом, что даже костяшка покраснела от частого трения о кольцо-заглушку, которое она носит «для отвода глаз». — Сначала был герцог Артонар, женатый оборотень с тремя детьми, смею напомнить. Причём двойня, найра Августа, у него двойня, и поговаривают, что четвёртый на подходе — супруга его уже на шестом месяце, и живот у неё, как говорят очевидцы, размером с бочку для квашения капусты. Потом — вдовый вампир Огюстус, который, между прочим, до сих пор носит траур по супруге и спит в склепе на фамильном кладбище, а по ночам, шепчутся, разговаривает с её портретом и полирует гроб до зеркального блеска. А теперь — молодой эльф Норатриэль, который, если верить слухам, уже триста лет избегает брака и предпочитает общество своей коллекции экзотических кактусов. Мне всех троих к вам приворожить? Сразу? Вы уверены, что их семьи скажут вам за это спасибо? Особенно герцогиня-оборотница, которая, как мне докладывали, в гневе способна разнести пол-имения, а уж если узнает, что кто-то покушался на её мужа — и подавно.

Августа горт Харнатар, старая дева, которую отец-вампир и мать-оборотница отчаялись уже выдать замуж — и, честно говоря, я их понимала, потому что за тридцать два года она сменила четырёх гувернанток, двух женихов, одного духовника и, кажется, тридцать семь причёсок — заалела щеками. Именно щеками, а не лбом и не ушами; краснела она пятнами, как незрелое яблоко, причём пятна эти ползли от скул к носу, оставляя белую полосу вдоль переносицы, что делало её похожей на театральную маску. И всё же, вы ж посмотрите, у нее все же хватило такта покраснеть. Прогресс. Возможно, к пятидесяти годам до неё дойдёт и чувство стыда, а также понимание, что сны — это всего лишь игра переваренных ужинов, а не прямое руководство к действию.

— Найра фея, я уверена, это точно он, мой суженый, — несмотря на краску на щеках (и мелкую дрожь в пальцах, которой она пыталась накрутить на палец выбившуюся прядь — тонкий, пепельный локон, который, видимо, вылез из причёски, когда она мчалась по коридору), с прежней уверенностью заявила она. Голос её сорвался на пронзительную ноту, от которой у меня заныло в висках — прямо как вчера после ритуала, когда я перепутала дозировку лун-

ной пыльцы. — Прошу вас, помогите! Это ведь мой последний шанс выйти замуж! Матушка сказала, что если до зимы я не найду пару, она отдаст моё приданое на благотворительность — в приют для престарелых баньши, а сама уедет к сестре в южные земли, и я останусь одна с отцом, который целыми днями перебирает свои фамильные некрологи!

Угу, угу. Я верю, да. Вернее, поверила бы, если не жила при дворе уже несколько месяцев и самолично не спасала бедных-несчастливых аристократов, которым не посчастливилось попасться на глаза милой найре Августе. Тридцать два года, не красавица (нос картошкой, с едва заметной горбинкой, которая досталась ей от деда-гнома, и подбородок волевой — на мужском-то лице сошло бы, а здесь смотрится тяжеловато, особенно когда она хмурится, и тогда кажется, что она собирается кого-то казнить), не умна, хоть и с приданым (суций пустяк по меркам империи — три деревни, пять коров и фамильный серебряный сервиз с выщербленной крышкой, но папа-вампир за тридцать лет копил, не жалея себя, и даже продал свою коллекцию старинных кубков, чтобы наскрести на достойный выкуп). Я перевела взгляд на гобелен с василиском — хоть там была хоть какая-то логика, в отличие от этой женщины, которая верила каждому своему сну, будто предсказаниям гадалок.

Она достала до печенок всех придворных, всю столицу, да что там, всю империю Иртарнар! Не было, наверное, в этой многомиллионной стране ни одного завалеща аристократа, на которого отчаявшаяся найра Августа не обратила бы своего внимания. За три последних года она умудрилась отправить любовные послания (с сушёными ромашками и обязательным постскриптумом «это судьба») двадцати трём графам, четырём герцогам, одному принцу крови и даже трём вдовам-баронессам — на всякий случай, если там есть братья или кузены. Даже старый герцог Грентар, которому, по слухам, перевалило за семьсот, и который уже забыл, как зовут его собственных внуков, получил от неё букет полевых цветов (слегка увядших, потому что она таскала их с собой три дня, выжидая удачный момент) и намёк на совместное будущее, оформленный в виде записки с завитушками и тремя восклицательными знаками. Очень уж не хотелось ей оставаться старой девой до конца своих дней — а судя по тому, как она истоптала полы в приёмной императорского секретаря, она готова была даже на брак с гоблином-отшельником, лишь бы не слышать больше шёпота за спиной и не видеть жалостливых взглядов своих тётушек, которые при каждой семейной трапезе многозначительно переглядывались через стол.

И вот если бы она, вместо поисков женихов, озаботилась попыткой понять, почему все так, из-за чего боги не дают ей и шанса выйти замуж — ну, например, заказала бы у придворного менталиста диагностику характера, который стоит всего три золотых и полчаса времени, — тогда, может, что-то и изменилось бы. Менталист, между прочим, уже дважды предлагал ей свои услуги со скидкой «для постоянных клиентов», но найра Августа каждый раз отмахивалась, заявляя, что «это всё происки злых духов» и что «её истинный жених просто задерживается в пути». Менталист скептически качал головой в ответ на эти слова, не доверяя им ни капли, и снова предлагал свою помощь. Но найра Августа с упертостью ронтанийского арнатала, огромного толстокожего животного, полуслеплого и почти глухого, который, если решит пройти сквозь каменную стену, ни за что не свернёт, — эти твари, к слову, обитают в восточных степях и способны часами долбить макушкой скалу, не понимая, что можно обойти, — перла вперед, старательно подбирая себе то одного, то другого жениха. Она рассылала приглашения на чай с такой регулярностью, что главный повар императорского дворца уже вносил её имя в график поставок лимонного печенья отдельной строкой, а её личный секретарь, тощий юноша с вечным тиком под глазом, подал прошение о переводе в архивный отдел — лишь бы не видеть больше этих бесконечных списков кандидатов.

— Хорошо, — я подавила смехок, вспомнив кое-что из того, чему учила меня бабушка-ведьма, — старуха, которая могла одним взглядом остановить стадо быков и которая всегда носила с собой пузырьёк с «экстренным договором» на любой случай, от покупки репы до раз-

дела наследства. Та, между прочим, любила приговаривать: «Ведьма без договора — что мясо без соли». И была права, зараза, — потому что без чётко прописанных условий моя добрая слава давно бы превратилась в репутацию безотказной дуры, готовой колдовать за спасибо и слёзы. — Помогу. Но только после того, как вы подпишете документ, в котором указано, что это последняя моя помощь вам в этом вопросе. Самолично подпишете, найра Августа. Собственноручно, чётко, разборчиво, без этих ваших завитушек, которыми вы обычно украшаете подписи, делая их нечитаемыми для любого, кроме вас самой.

«Кровью желательно», — так и крутилось язвительное замечание у меня на языке. Я даже представила, как она окунает перо в собственную царапину на пальце — картина маслом, достойная кисти какого-нибудь безумного художника-сюрреалиста, с обязательным кровавым росчерком в виде сердечка и тремя восклицательными знаками для убедительности. Увы, нынешние мои клиенты сарказма не понимали. Или делали вид, что не понимают — что ещё обиднее, потому что тогда они просто меня игнорируют, а я, между прочим, красный диплом получила, тут не игнорировать надо, а уважать.

Августа посмотрела на меня с подозрением. Оно прямо-таки заструилось в воздухе между нами, густое, как кисель в придворной столовой, — этот кисель, к слову, готовили из кислых ягод и разбавляли водой в пропорции один к трём, отчего он имел консистенцию жидкого стекла и аромат прокисшего компота, но Августе, похоже, такой кисель нравился, как и любые другие сомнительные субстанции. Она прищурилась — её левый глаз дёрнулся, я заметила, мелкий тик от постоянного нервного напряжения, который особенно проявлялся, когда она пыталась просчитать, не обманывают ли её; при этом её ноздри раздувались, а губы сжимались в тонкую нитку, придавая лицу выражение обиженного хомяка, которому не дали семечку. Но всё же она кивнула. Как же, помощь придворной феи — это дорогого стоит. Мы, феи, даже полукровки, не так часто соглашаемся помогать простым смертным, особенно после того случая с бароном, который попросил «чутьочку удачи в карты» и получил её в таком объёме, что выиграл всё состояние, а потом полгода не мог отмыться от проклятия неудачи, которое навесил на него проигравший оппонент. И уж точно не за спасибо. И не за «я во сне видела» — эти слова у меня уже нервный смех вызывают, потому что за мою практику я наслушалась снов про летающих коров, про танцующие вилки и про замужество с тенью, и только один раз сон оказался вещим, да и то уборщице приснилось, где она потеряла метлу.

Я щелкнула пальцами. Не эффектно — я умею и эффектнее, с искрами и звоном, которые испугали бы полдворца, — а буднично, как щёлкают выключателем уставшие от жизни электрики, живущие в нижних кварталах и обслуживающие магические светильники за жалкую плату. И мы с Августой в мгновение ока перенеслись в мой кабинет неподалеку от комнат, в которых я жила во дворце. Перемещение было резковатым — у Августы на секунду закружилась голова, и она машинально ухватила за косяк, при этом её серьги снова жалобно звякнули, а бархатный подол заметно наехал на пыльный ковёр, который я уже две недели собиралась выбить, но всё руки не доходили. Я же даже не пошатнулась: своя территория, свои правила, и тут даже сквозняки подчиняются мне, а не наоборот, — в отличие от того проклятого дворцового коридора, где каждый порыв ветра норовит задуть свечу или поднять юбку какой-нибудь приличной даме. В моём кабинете пахло сушёными травами, старым пергаментом и ещё сладковатым ароматом бергамота, которым я пыталась заглушить стойкое амбре вчерашнего ритуала, — и этот запах, надо признать, действовал на посетителей успокаивающе, но с Августой, судя по её побелевшим костяшкам, он не справлялся даже наполовину.

Кабинет мой, надо сказать, производил впечатление. Оборудованный в стиле рабочих кабинетов земных гадалок — знаете, тех, что в подвалах с красными лампами и обязательным хрустальным шаром, причём шар этот чаще всего треснутый, потому что настоящий хрусталь дорог, а трещину можно выдать за «магический разлом времён», — он отпугивал всех зевак связками сушеных мышей, чучелами животных и птиц. Вот, например, на полке слева сидит

чучело филина. Стекланный глаз у него сколот — я всё руки не дойду подклеить, потому что клей вечно засыхает в тюбике, а новый покупать лень, — но в полумраке он смотрится зловеще, особенно когда из-под облупившегося крыла выглядывает пыльный ярлык «сделано в мастерской декоратора Третьего переулка». А справа висит связка каких-то корешков, которые на вид — пальцы скрюченные, хотя на самом деле это обычная сушёная морковка, щедро сдобренная лаком для блеска и подвешенная на бечёвке, которую я стянула с кухонного мешка с крупой.

Плывать, что все это было или сделано из папье-маше — например, тот самый хрустальный шар слепили из газет и клейстера ещё на первом курсе, когда у меня не было денег на настоящий реквизит, — или распечатано на трёхмерном принтере, который бабушка притащила с Земли в чемодане с надписью «осторожно, магия» и который теперь стоял в углу под простынёй, потому что чернила кончились ещё в прошлом году. Выглядело оно устрашающе, особенно для милой нежной феи, которой я выглядела в глазах окружающих, — они же не знают, что сова под потолком на самом деле гипсовая, а паутина на люстре — специальный спрей из баллончика, который я купила в лавке уличных фокусников за три медяка. И пусть боятся. Меньше вопросов будет. Меньше дурацких просьб и вопросов типа «а правда ли вы варите зелье из глаз жаб?» — нет, не варю, и даже не собираюсь.

Августа, появившаяся здесь не первый раз, даже не вздрогнула. То ли привыкла, то ли нервы железные — у неё, кстати, прадед был горным троллем, так что в крови могли плескаться металлические примеси, — то ли так сильно хочет замуж, что готова сидеть среди чучел хоть до рассвета, хоть до следующей зимы, хоть до того момента, пока её приданое не уйдет в приют для баниши. Только носом повела — сушёные мыши пахнут, конечно, не розами, а скорее старым чуланом и слегка прогорклым жиром, — но промолчала. Молодец. Хотя бы этому за несколько месяцев научилась, потому что в прошлый свой визит она громко чихнула и сбила чучело вороны с подставки, а потом полчаса извинялась и собирала перья с пола.

Еще один щелчок пальцами — на этот раз я позволила себе маленькую искру, чисто для антуража, чтобы синие огоньки пробежали по кончикам пальцев и осветили трещины на потолке, — и перед Августой в воздухе появился и завис документ. Распечатанный на вполне земном принтере — старом, ленточном, который ещё моя бабушка со свалки вытащила, и он до сих пор издавал протяжный скрип при каждой новой строчке, а лента была местами стёрта до дыр, отчего буквы выходили бледными, как привидения на рассвете, — с земными же оборотами и мелким шрифтом, который я нарочно уменьшила, чтобы никто не читал, а просто подписывал. Обычная форма для оказания стандартных услуг. Пункт первый: «Заказчик подтверждает, что обращается добровольно, без угроз и гипноза» — этот пункт я добавила после того случая с бароном, который пытался утверждать, что я его загипнотизировала и заставила проиграть в карты. Пункт седьмой: «Исполнитель не несёт ответственности за эмоциональные последствия, включая разбитое сердце, неразделённую любовь и бракоразводные процессы» — тут я предусмотрела всё, вплоть до слёз на подушке и ночных звонков с рыданиями. Пункт двенадцатый: «Данное соглашение является последним. Повторные обращения по аналогичному вопросу отклоняются без объяснения причин» — этот пункт я выделила жирным и подчеркнула дважды, потому что Августа уже трижды пыталась обойти предыдущие договорённости, ссылаясь на «новое вещее сновидение».

В данном случае — поиск и приворот жениха. Ага, одного. Не трёх сразу. Я специально уточнила в примечании мелким шрифтом: «Количество объектов — один (1)», чтобы она потом не тыкала пальцем и не говорила, что ей тоже приснился ещё и дракон, и русал, и говорящий кот из соседнего королевства.

Августа недрогнувшей рукой взяла земную шариковую ручку. Ручка была синенькая, с потёртым колпачком, который вечно норовил отскочить — я подбирала её на полу в библиотеке и с тех пор никак не могла выбросить, потому что она ещё писала, хотя чернила в ней давно должны были кончиться по всем законам физики. Августа щёлкнула — колпачок, есте-

ственно, отлетел в сторону, покатился по столу, зацепился за край стопки старых счетов, подпрыгнул и упал на пол, закатившись под шкаф с чучелом енота, у которого, кстати, была оторвана правая лапа и торчала проволока, которую я маскировала чёрной изолянтной. Я мысленно закатила глаза. Потом найду. Или не найду — у меня их ещё штук десять в ящике, потому что колпачки у этих ручек сыплются с пугающей регулярностью.

Августа подписала на столе неподалёку всё, что требовалось, склонившись над бумагой так низко, что прядь волос упала в чернильницу, которую я забыла убрать после вчерашнего зельеваренья, — благо чернила были уже высохшие, так что только слегка испачкали кончик. Подпись у неё была резкая, с большим количеством завитушек и жирной точкой в конце — она выводила её с такой силой, что ручка прорвала бумагу в двух местах, оставив на столе крошечные синие точки, которые я потом буду оттирать уксусом. То ли характер такой — упёртый и колючий, как сухой репей, — то ли так она пыталась компенсировать отсутствие мужа, вкладывая в росчерк всю свою нерастраченную энергию и надежду. Документ исчез — аккуратно сложился сам собой в квадрат, дважды перевернулся в воздухе, как будто разминаясь, и отправился в мой сейф, встроенный в спальне, за третьим гобеленом слева от кровати, где он лежит рядом с соглашениями про герцога Артонару, вампира Огюстуса и ещё пятнадцатью бедолагами, которые даже не подозревали, что были кандидатами. Теперь у меня был карт-бланш на любые действия, даже не совсем законные по местным меркам, — например, на лёгкий бытовой гипноз или на подмену его любимых носков на ярко-розовые, чтобы он запомнился Августе и случайно влюбился. Судя по подписи — не отмоешься, потому что она поставила её аж в трёх экземплярах, как я и просила, и даже приписала сбоку маленькое сердечко, которое придавало документу совершенно неофициальный вид, но меня это не волновало: главное, что юридическая сила сохранялась.

— Идите, найра Августа, — я кивнула на дверь кабинета, которая, к слову, была обита чёрной тканью с вышитыми серебряными звёздами — ткань я купила в лавке для театральных костюмов, когда распродавали остатки, а звёзды сама вышивала крестиком две бессонные ночи, пока слушала лекции по этикету в записи. Звёзды, правда, были нарисованы фломастером — серебряный маркер, который я нашла в кармане забытой мантии, — но в темноте не видно, потому что я всегда гашу свет на магический манер, оставляя только красный абажур на столе. — И ждите. Скоро я начну вам помогать. Как только приведу себя в порядок и сниму с левого крыла вчерашнюю пыльцу, а заодно выпью чашку мятного чая — без него я не мыслю ни одного серьёзного заклинания, потому что в прошлый раз без чая я перепутала ингредиенты и превратила фамильный кубок графа в жабу.

«И как бы вам самой не пожалеть об этом», — добавила я мысленно, глядя на неё уже в спину. А вслух не стала. Не люблю портить людям сюрпризы, особенно когда они уходят такие счастливые, что даже не замечают, как их бархатный подол цепляется за гвоздь в пороге.

Августа часто закивала. Так часто, что янтарные серьги заплясали, зазвенели, как колокольчики на шее деревенской козы, которая бежит на пастбище после долгой зимы — звон был такой пронзительный и радостный, что у меня даже зануло в ухе. Она пробормотала что-то о своей благодарности — вышло сбивчиво, с проглатыванием окончаний, но искренне, потому что на глаза даже навернулись слёзы, которые она торопливо смахнула пальцем, размазав тушь по левой щеке, — и выскочила из кабинета, сияя, как солнце, которое в этом мире, между прочим, было ярко-розовым, и в его лучах её бордовое платье приобретало оттенок баклажана, что, впрочем, шло ей больше, чем она думала. На прощание она чуть не споткнулась о порог, ухватилась за косяк, поцарапав лак на ногтях — лак, кстати, был свежий, и на указательном пальце осталась глубокая белая полоса, — и всё равно продолжила улыбаться, даже не оглянувшись, чтобы проверить, не измазала ли она спину о свежеевыкрашенную дверь. Упорство — это вам не хухры-мухры, это, я вам скажу, двигатель прогресса и основа всех моих гонимых.

Дверь за ней закрылась с мягким, почти ласковым «хлоп», и в щели на миг мелькнула её развевающаяся юбка, а затем всё стихло, остался только запах её духов — дешёвых, с нотками ванили и перегара, — и тиканье напольных часов, которые я украсила чучелом летучей мыши, чтобы они казались магическими, хотя на самом деле просто купила на распродаже.

— Тебе ее не жалко? — иронично спросило пространство голосом моей личной домовушки Феньки, причём голос этот прозвучал с той особой интонацией, которую я за два года научилась распознавать с закрытыми глазами: смесь любопытства, осуждения и сладкого предвкушения сплетни, которую она потом будет пережёвывать ещё три дня.

Фенька, как обычно, появилась не сразу. Сначала я услышала характерное шуршание — она любила эффектно вылезать из-за штор, причём непременно из тех, которые не шевелятся, потому что висят на стальных карнизах и даже сквозняк их не берёт, — шуршание было таким настойчивым, будто там затаился целый выводок бумажных змеев. Потом мелькнула тень — коренастая, чуть приземистая, с торчащими в разные стороны вихрами, — и только затем она приняла свой обычный вид: невысокая, лохматая, совсем не худенькая, с передником, который вечно съезжал набок, потому что она завязывала его на один узел и никогда не проверяла надёжность, и с зажатой в зубах печенькой, причём печенька была явно из императорской кухни — я узнала её по характерной сахарной посыпке и слегка подгоревшему краешку, который повара всегда оставляют для прислуги. Откуда печенька, лучше не спрашивать, потому что ответ будет либо «нашла», либо «сэкономила», либо «не твоё собачье дело, Васька», и ни один из этих вариантов меня не устроит.

— Мне? — изумилась я, отряхивая одежду от невидимой пыли — на самом деле на мантии не было ни пылинки, но жест придавал вес словам, как учила бабушка, — и повернувшись к Феньке всем корпусом, чтобы она видела моё выражение лица. — Её? Да тут надо пожалеть её мужа. Ну, будущего. Если он вообще выживет после первой брачной ночи, когда узнает, что ему пришлось подписать, пока он спал, и что его фамильный герб теперь украшает её подушки, а его любимая охотничья собака переименована в «Августу-младшую».

Фенька хмыкнула. Хмыканье вышло чуть причмокивающим — она как раз дожёвывала печеньку, и крошки разлетелись по переднику, осев на вышитом цветочке, который когда-то был красным, а теперь превратился в грязно-розовое пятно. Прожевала печеньку. Вытерла крошки о передник — тот, естественно, ещё сильнее съехал, открыв полоску пузатой рубахи в горошек, которая была ей мала на два размера, потому что она отказывалась признавать, что за зиму набрала лишний вес на придворных угощениях. Потом проявилась окончательно, повисла в воздухе с деловитым видом заправской помощницы-секретарши, скрестив руки на груди и поджав губы так, что на щеках образовались ямочки. Любимый её образ, между прочим. Говорит, что так она чувствует себя важной и при деле, а не просто домовушкой, которая всю жизнь чинит носки и выметает пепел из каминов. Хотя на самом деле она просто обожает подслушивать разговоры клиентов и пересказывать мне их с интонациями, передразнивая голоса до такой степени, что я начинаю слышать их собственную речь даже в тишине.

— Злая ты, Васька, — сказала она, качая головой, и при этом один её глаз чуть прищурился, а второй остался открытым — привычка, которую она приобрела ещё в молодости, когда жила в доме старой ведьмы и подглядывала за ней через щёлочку в двери.

— Справедливая, — отрезала я, подходя к столу и поправляя хрустальный шар, который слегка сместился, когда Августа в спешке задела край столешницы.

Шар был из настоящего стекла, но с голограммой внутри — земная техника, дёшево и сердито, и голограмма изображала звёздное небо, которое, правда, было срисовано с какого-то старого фильма, и звёзды там мерцали с частотой, не совпадающей с реальным астрономическим ритмом, но для местных жителей это выглядело вполне убедительно. — Надо думать, прежде чем к фее со своими желаниями обращаться. Я ж не соцслужба и не бюро добрых услуг. Барсик где?

— Как обычно, — пожала плечами Фенька и взмахнула рукой в сторону окна, за которым виднелись дворцовые крыши, — черепичные, оранжевые, с золотыми петушками на каждом коньке, а вдалеке маячили дымы кухонных труб, откуда доносился сладковатый запах карамели и жареного мяса. — Обьедает императорских поваров. Сидит на разделочном столе, свесил хвост, и требует, чтобы ему наливали сливки отдельно, потому что, видите ли, в общей миске они недостаточно свежие. Параллельно травит им байки о своей боевой молодости на Земле — сегодня, говорят, рассказывал, как он в одиночку разогнал банду огненных саламандр на рынке в Китеже, причём врал так убедительно, что главный повар даже прослезился и отдал ему целого жареного перепела, которого готовил для императорского завтрака.

Я вздохнула — вздох вышел долгий, с лёгким присвистом на выдохе, — и провела рукой по столу, собирая невидимые крошки. И правда, где ж еще может быть это наглое рыжее создание? Не мышей же ему ловить, в самом деле, — в этом дворце мыши водятся только в библиотеке, и те такие жирные и наглые, что сами гоняют котов, судя по рассказам архивариуса. Он — благородный кот, его надо кормить той же пищей, которую потребляют придворные, и желательно с серебряного блюда, а не из простой глиняной миски, и чтобы подавали с поклоном, и обязательно приговаривали: «Кушайте, ваше кошачье величество, на здоровье». Иначе он обижается, уходит в окно и не появляется три дня, а когда возвращается, у него на шерсти засохшая рыба и вид оскорблённого до глубины души существа.

— Живоглут, блин, — пробормотала я беззлобно, но с искренней усталостью, и даже улыбнулась собственному отражению в стеклянном шаре, потому что, несмотря на все его выходки, без этого рыжего обжоры во дворце было бы слишком тихо и правильно.

Глава 2

Мы с Фенькой прибыли в этот мир с Земли. Ну и Барсика оттуда притащили — вернее, он сам прыгнул в портал в последний момент, когда я уже закрывала проход, и до сих пор я помню этот его вопль: «А без меня, значит, решили свалить?», который разнёсся по всему подвалу и перепугал соседских голубей, а потом он зацепился когтями за подол моей мантии, порвав три метра дорогой ткани — ткани, которую я, между прочим, выиграла в лотерею на выпускном и которая стоила как полгода моей стипендии. Вот теперь и жили втроём здесь, пугали народ говорящим котом и домовушкой, которая умудрялась подслушивать даже стены. Местные, надо сказать, к говорящим котам относились философски: ну фея, ну кот, ну болтает — бывает. В империи Иртанар вообще ко всякой нечисти привыкли, тут и водяные в фонтанах сидят, и лешие в парках императорскую публику щекочут, так что рыжий нахал с человеческим голосом не вызывал большего удивления, чем, скажем, говорящая шляпа на базаре или танцующий кактус в оранжерее.

Я, Василиса Андреевна Гортанская, и правда была полуфеей-полуведьмой. Ну как «полу»... Моя мать — фея, отец — полубог, причём он никогда не уточнял, какой именно половиной он бог — верхней или нижней, но по его способности просыпаться ровно к обеду и никогда не пачкать рубашки я подозревала, что это была божественная верхняя часть. А вот бабушки... Одна — ведьма, с дедом — настоящим богом. Другая — фея, с дедом-драконом — старым, мудрым, с чешуёй цвета ржавчины и привычкой храпеть так, что в доме дрожали люстры. Генеалогическое древо у нашей семьи, если его рисовать, больше походило на карту звёздного неба после сильного землетрясения: линии пересекались, ветки уходили в никуда, а в углах обязательно сидели подозрительные пятна от кофе, которые никто не решался стереть, потому что «это, наверное, тоже какой-то предок». А так как сила у фей и ведьм передаётся только девочкам — мальчикам достаётся либо склонность к точным наукам, либо внезапная лысина к тридцати годам, — то я была этакой наполовину ведьмой, наполовину феей, и вдобавок с защитой от богов и драконов. Вот такой гремучий коктейль получился.

Мои братья, старшие, тоже любимые родней, крутили пальцами у висков каждый раз, когда заходил разговор о моей магии. Виктор, например, делал это особенно выразительно — указательный палец правой руки описывал быстрые круги у виска, а левая бровь при этом ползла вверх, как гусеница в поисках приключений, и при этом он ещё и прищёлкивал языком, изображая звук лопающегося мыльного пузыря. Двое других — Сергей и Андрей — просто молча закатывали глаза, и этого было достаточно, чтобы я чувствовала себя героиней дешёвого анекдота; при этом Сергей, старший после Виктора, всегда закатывал глаза с лёгким скрипом — у него с детства была такая привычка, из-за которой мама водила его к окулисту дважды в год, а Андрей просто делал это молча и так выразительно, что я слышала этот жест даже спиной.

— Да какая там магия у Васьки-то, — ворчал Виктор, старший брат, инженер-строитель в крупной фирме, которая строит мосты и высотки, и он любил это дело — ворчать, особенно по утрам, с чашкой кофе — черного, без сахара, сваренного по особому рецепту, который он хранил в тайне от всех, даже от мамы, — стоя у окна в клетчатой домашней рубашке, которую мама ему подарила на прошлое Рождество и которая была ему мала в плечах, отчего он постоянно дёргал воротник, оголяя шею с родимым пятном в форме кленового листа. — У неё не магия, а взрывоопасная смесь. Не подходи — шибанёт так, что мало не покажется. Помнишь, как она в прошлом году попыталась заварить чай с мятой, а в итоге взорвала чайник, и мы три дня искали крышку на чердаке?

Отец, который в этот момент обычно сидел в своём любимом кресле — потёртом, кожаном, цвета тёмного шоколада, с продавленным правой рукой подлокотником, потому что он

всегда опирался на него, читая газеты или делая вид, что слушает маму, — весело хмыкал и с сыном не спорил. Думал так же, угу. Иногда он даже подливал масла в огонь, хитро прищуриваясь и постукивая пальцами по подлокотнику: мол, Вася, ты бы предупреждала, когда зелья варишь, а то соседи уже привыкли, что наш дом периодически подпрыгивает, и в последний раз дворник Иван Петрович написал жалобу в управляющую компанию, что у него с полки упала банка с вареньем и он подозревает землетрясение. А вот мама всегда вставала на мою сторону — она вставала так решительно, что у неё за спиной начинали мерцать крылья, невидимые для посторонних, но видимые для нас, и эти крылья были цвета утреннего неба, с сияющими прожилками, как у стрекозы.

— Васенька — сильная магичка, — утверждала она, поправляя свои длинные светлые волосы, в которых то и дело запутывались маленькие искорки — побочный эффект фейского происхождения, особенно заметный, когда она волновалась или когда кто-то при ней говорил, что я не умею колдовать. — Только нервная. И вам, мальчики, злить её не надо, потому что она может и в лягушку превратить, я вам серьёзно говорю, и тогда кто будет выносить мусор по вечерам?

«Мальчики» — отец и трое братьев, все как на подбор выше меня на голову и шире в плечах, — переглядывались между собой и заранее решали, куда меня отправить, в какое дальнее село, если я вдруг разозлюсь. У них даже был свой список, написанный от руки на листке в клетку и спрятанный в ящике стола отца под запасными носками: сначала — деревня Глухово, триста километров от ближайшей железной дороги, где даже почту приносят раз в месяц, и там живёт одна бабка с козой и без магии, потому что от моей силы у неё перестанут нестись куры; потом — посёлок Медвежье, где одна лавка, два пенсионера и вечная мерзлота, а за ней — белые медведи, которые, правда, по слухам, сами боятся магии, но братья на это не рассчитывали; а в самом крайнем случае — метеостанция на Северном полюсе, где нет ни души, кроме одинокого метеоролога дяди Гриши, который уже двадцать лет не разговаривает с людьми и будет только рад, если я приеду к нему с котом и домовушкой. Я этот список однажды нашла в столе у отца, когда искала ножницы, и с тех пор носила с собой маленький пузырёк с успокоительным зельем — на всякий случай, чтобы не оправдывать их ожиданий.

В общем, родня у меня была добрая, понимающая, угу. Такая добрая, что порой мне хотелось быть не хуже оборотней в день полнолуния. Быть и колдовать. Желательно одновременно.

Училась я в академии Междумирья. Здание там было внушительное — этакий замок из серого камня, с башнями, шпилями и обязательным рвом, в котором, по слухам, водилась русалка с вредным характером по имени Кларисса, которая топила учебные лодки первокурсников, если они забывали бросать ей монетку. Внутри пахло старыми книгами, сушёной мятой и чуточку паникой студентов перед экзаменами — этот запах, смешанный с воском от свечей и озоном от случайных магических разрядов, въедался в мантию так прочно, что даже через год после выпуска я иногда ловила его в своей одежде и вздрагивала. Там мне показали, как держать себя в руках, как обуздывать силу фей и ведьм — и заодно объяснили, почему нельзя колдовать после полуночи на пустой желудок (это был отдельный курс, на котором мы три недели разбирали несчастные случаи). Ну и как варить разные зелья — тоже. Особенно запомнился курс «Экстренная магия для нервных»: полсеместра мы учились не взрывать аудиторию, когда кто-то из соседок по парте начинал ныть о неразделённой любви, причём особенно трудным был эпизод, когда одна эльфийка из параллельного потока принесла на занятие тридцать пять сонетов и декламировала их подряд, а мы оттачивали навык «тихого заклинания оглушения», чтобы не обидеть авторшу.

Вышла я оттуда дипломированным специалистом. С красным дипломом — на обложке которого, кстати, был тиснёный золотой герб академии, который я потом два года никуда не могла пристроить, потому что он светился в темноте, — с четырьмя благодарственными гра-

мотами и с небольшим нервным тиком левого глаза, который проходил ровно через два месяца после выпуска, когда я наконец перестала вздрагивать от звука открывающейся двери. Пожила немного дома, раздумывая, куда податься — сидела на кухне в своей любимой растянутой футболке с надписью «Я пережила академию, а ты?», пила чай с бергамотом из кружки с отбитой ручкой (отбила ещё на втором курсе, когда запускала учебный файербол и промахнулась), листала вакансии в междумирьевой газете «Маг и Карьера»: то маг-консультант в службу доверия, но там требовали стаж работы от пяти лет и умение не смеяться в лицо клиентам; то фея на полставки в агентство праздников, но по отзывам туда брали только тех, кто умеет делать радугу из пальцев, а моя радуга всегда получалась с фиолетовым оттенком, будто я случайно подмешала скуку; то ведьма-озеленитель в городском парке, где нужно было разговаривать с растениями и не ругаться на них, если они не цветут — и вот это было самым сложным пунктом. И пока я думала, за меня всё решили родичи — в лучших традициях нашей семейной «заботы», которая обычно заканчивалась тем, что я оказывалась в ситуации, о которой не про-сила.

— Ты, Вася, должна пройти практику в магмире, — непреклонно заявила бабушка-ведьма Серафима. Она стояла у плиты — в чёрном платке с красными розами (розы были нарисованы фломастером, но бабуля считала, что так стильно, и отмахивалась от всех, кто пытался ей объяснить, что фломастер на ткани — это не вышивка), в растоптанных тапках — одни были красные, другие зелёные, потому что она вечно теряла пары и принципиально отказывалась их искать, — и с деревянной ложкой в руке, которой она для убедительности стучала по столу так, что солонка подпрыгивала, а на стене шевелилась картина с пейзажем осеннего леса, который, по слухам, тоже был слегка магическим и обижался на громкие звуки. — И не морщись. Без этого твой диплом не будет котироваться ни в одном приличном мире. В магмире говорят, если у специалиста нет отметки о полевой практике, то его даже в помощники к деревенскому знахарю не возьмут — начнут задавать вопросы, кто тебя учил и почему у тебя руки не из того места растут.

— Ба, ну какая практика, — протянула я недовольно, отодвигая чашку так, чтобы она оказалась подальше от зоны поражения ложкой, потому что прошлый раз Серафима разбила мою любимую кружку, когда доказывала что-то отцу, и с тех пор я пила только из той, что с отбитой ручкой, — она была не жалко. — Я, вообще-то, планировала устроиться на работу на Земле. У меня там, между прочим, есть знакомые, которые обещали пристроить меня в центр консультации при городской мэрии.

— Вот и устроишься, — кивнула бабушка-фея Аделина, сидевшая напротив с неизменным вязанием в руках — она вязала уже тридцатый год подряд один и тот же шарф, который вечно распускала, потому что «цвет не тот», и сейчас спицы мелькали с такой скоростью, что было страшно за воздух вокруг, а на её коленях уже собралась целая гора серой шерсти, похожая на облако, которое случайно упало с неба. — Но после практики. Возьмёшь мою Феньку. Она всё равно без дела сейчас скучает — сидит в своей комнате, смотрит на потолок и вздыхает, потому что ей не с кем сплетничать, а соседские домовые переехали в другой мир. И поживёте там несколько месяцев. А как получишь бумажку о прохождении практики, вернёшься сюда. И работай, где тебе захочется, хоть на Луну улетай, хоть к гномам в шахты.

Бабушка Аделина говорила это таким тоном, будто решала, вынести мусор или полить цветы — спокойно, буднично, с лёгкой улыбкой, от которой у меня начинали дёргаться уголки губ, потому что я знала эту улыбку: она означала, что возражения не принимаются и даже не рассматриваются, как жалобы на призраков в подвале — ты их просто не слышишь, и всё. А на деле — отправляла меня в другой мир. На несколько месяцев. С домовушкой, которая, между прочим, умела храпеть так, что стены дрожали, и при этом храп её был такой залиvistый и многоэтажный, что даже императорский огненный саламандр в соседнем дворце, говорят, просыпался и начинал нервно дышать, думая, что это извержение вулкана.

В общем, без меня меня женили. Даже не женили — сосватали. В приказном порядке.

Пришлось брать с собой бабушкину домовушку Феньку (которая уже сидела в прихожей с узелком, полным сушёных сухарей — там были и ржаные, и пшеничные, и даже с маком, который она специально припрятала от Барсика, потому что кот, по её словам, «не умеет ценить хорошую выпечку», — и нетерпеливо постукивала ногой, отбивая ритм какой-то заунывной мелодии, которую она насвистывала сквозь зубы) и шагать в портал. На прощание я обернулась: мама махала мне кружевным платочком — тем самым, с вышитыми васильками, который она обычно приберегала для особо торжественных случаев, и на глазах у неё блестели слёзы, хотя она делала вид, что просто соринка попала; отец с братьями изображали скорбь на грани фальши — они стояли плечом к плечу, скрестив руки на груди, и их лица выражали такую патетическую печаль, что можно было подумать, будто я отправляюсь на войну, а не на практику в соседний мир, причём Виктор даже вздыхал для убедительности и прижимал ладонь к сердцу; а бабушки синхронно кивнули, мол, иди, не позорь род, и их кивки были такими слаженными, словно они репетировали это неделю. Барсик, как уже было сказано, прыгнул следом, потому что кот всегда знает, где сосиски вкуснее, — в последнюю секунду я увидела, как он оттолкнулся от порога всеми четырьмя лапами, оставив на деревянном полу четыре глубоких царапины, и влетел в портал с диким воплем, зацепившись когтями за мой рукав и порвав его окончательно, до самой манжеты.

Портал, кстати, был отвратительного болотного цвета — такого мутно-зелёного, с жёлтыми разводами, будто кто-то вылил в ведро всю подозрительную жидкость из лаборатории, — и пахло от него озоном и кошачьей мятой, причём мятой свежей, только что сорванной с грядки, что вызывало у меня ассоциации с бабушкиным огородом и с Барсиком, который однажды завалился в дом с этой самой мятой на усах и был невменяем два часа. Прямо как дома. В этом запахе было что-то родное и одновременно тревожное — будто мир Дартис, куда я отправлялась, уже готовил мне какой-то подвох, замешанный на зелени и электричестве.

Мир Дартис (в переводе на мой родной язык называвшийся «подарком богов» — ирония, да и только, потому что подарки от богов обычно оказывались либо проклятыми, либо требующими сложного ухода, как те драконьи яйца, которые бабушка Серафима однажды принесла с базара и которые так и не вылупились за сорок лет), подобранный мне семьей для практики, был, что называется, магически развитым. Здесь магия лилась из самого воздуха. Буквально: если знать, где встать и как дышать — нужно было стоять на левой ноге, правую слегка согнуть, выдохнуть через нос и вдохнуть через рот, как нас учили на курсе «Элементарная атмосферная магия» в академии, — можно было набрать полные лёгкие искрящейся субстанции, которая на вкус напоминала лимонад с мятой, и тогда настроение улучшалось само собой, даже без утреннего кофе, который я, кстати, не пила уже третий день, потому что в моём чемодане закончились запасы, а местный ячменный суррогат походил на жидкий песок. Правда, почувствовать её могли не все.

Считалось, что в Дартисе самые сильные маги — те, кто имел в родне аристократов, желательно до седьмого колена, с фамильными склепами и семейными хрониками, которые никто не читал, но все гордо упоминали за ужином. Ну, на худой конец — купцов третьего поколения, с хорошей родословной и без пятен на репутации, а пятном считалось даже случайное банкротство прадеда или брак с горничной, о которой забыли упомянуть в документах. Простым работягам и обычным крестьянам магия была якобы неподвластна, и они ходили с опущенными головами, когда мимо проходили аристократы, хотя иногда в их взглядах мелькала такая хитринка, что я подозревала неладное. Якобы, да. Я лично знала пару работяг, скрывавших свою силу под видом «случайного везения» — один, например, никогда не ошибался в лотерее и выигрывал каждый месяц ровно столько, чтобы купить новый сарай, но никогда ни больше, ни меньше, а второй мог починить любой механизм, просто дунув на него — и дул он с таким сосредоточенным лицом, будто это было величайшее заклинание всех времён. И ари-

стократов-немагов тоже знала. Та же найра Августа не даст соврать — её магический потенциал был где-то на уровне засохшего кактуса, который даже поливать бесполезно, потому что он уже три года стоит без воды и ничего, жив, и при этом она умудрялась носить фамильные амулеты, которые даже не светились в её руках. Впрочем, ей как раз магия была и не нужна. А ну как одним приворотом приворожит к себе всех принцев-драконов в радиусе тысячи километров? Казнят же. Не принцев. Её. Я даже представила эту картину в красках: драконы в человеческом обличье стоят с букетами, их чешуйчатые хвосты подозрительно дёргаются под плащами, а Августа в фате посередине, сияющая, как майское солнце, и уже размахивает брачным договором в тридцати экземплярах, а судьи в мантиях сидят в первом ряду и точат перья для подписания смертного приговора, и при этом у всех одинаковое выражение лица: «Ну, сама виновата».

— О чем задумалась? — поинтересовалась Фенька, выводя меня из мыслей о магии и аристократах.

Она сидела на подоконнике, свесив ноги в своих вечно съезжающих тапках, и грызла сушёный кренделёк — тот самый, из её бесконечного запаса, который она, судя по количеству, собралась растянуть на весь срок практики, а может, и на всю оставшуюся жизнь. Крошки сыпались на пол с завидной регулярностью, образуя вокруг неё небольшое мучное облако, и я мысленно уже прикидывала, кому прикажу подметать — вероятно, той же горничной, которая вечно прячется за углом и подглядывает за мной, потому что у нас в кабинете, по слухам, водится привидение уборщицы, а я не горничная, чтобы с ним договариваться.

— Об Августе, — проворчала я, отворачиваясь от окна, за которым розовое солнце Дар-тиса медленно клонилось к закату, окрашивая небо в цвета переспевшей малины и слегка подгоревшего мармелада, и на горизонте уже зажигались первые звёзды, которые здесь были почему-то фиолетовыми и мерцали с ритмом, похожим на сердцебиение. — Достала она меня прямо до печёнок своим желанием выйти замуж. Ещё и договор подписала — теперь я обязана ей помогать, а не могу просто сказать «отстань и иди к менталисту», потому что у меня красный диплом и я давала клятву не бросать клиентов на полпути, даже если они сводят меня с ума.

— Вообще-то, нормальное желание, вполне адекватное, — нравоучительно заметила Фенька, копируя голос моей бабушки Серафимы. Получилось жутковато: та же интонация — чуть в нос, с прищёлкиванием на каждом втором слове, — та же лёгкая картавость, от которой у меня мурашки бежали по коже, и тот же жест — указательный палец поднят к потолку, как будто она там увидела что-то важное и пытается привлечь моё внимание к невидимым письмам. — Все женщины должны хоть раз побывать в браке. Хотя бы для того, чтобы узнать, что такое совместное хранение носков и бесконечные споры о том, в какую сторону вешать туалетную бумагу.

— Чтобы понять, что свободной жить лучше? — фыркнула я, плюхаясь в кресло, которое жалобно скрипнуло под моим весом — причём скрип был такой протяжный и многострадальный, будто кресло помнило ещё всех практикантов за последние сто лет и устало молчать об этом.

Я, вообще-то, не такая тяжёлая, просто кресло старое — ещё с прошлого практиканта, который, говорят, был гномом и носил с собой мешок камней для медитаций, так что пружины у него основательно просели.

— Чтобы семью создать, — отрезала Фенька, откусывая от кренделька с таким ожесточением, будто это была моя голова, причём зубы её клацнули так громко, что чучело филина на полке одобрительно качнуло головой — или мне просто показалось в вечернем полумраке.

— У меня уже есть одна, — парировала я, загибая пальцы и при этом глядя на свои ногти, на одном из которых облупился лак — остался ещё с Земли, когда я красила их в цвет «ушастая сирень». — Братья — трое, и они меня уже достали своим «Васька-взрывоопасная»; родители — двое; две бабушки — Серафима и Аделина, каждая считает себя главной; дедушка-

бог, который вечно путает моё имя с именем какой-то древней богини; дедушка-дракон, который храпит на всех семейных собраниях и переворачивает столы хвостом; троюродные тётки со стороны ведьм — их, по последним подсчётам, семь, и все они присылают мне письма с советами по колдовству; и двоюродные — со стороны фей — их одиннадцать, и они все поголовно вяжут носки и плетут венки и требуют, чтобы я тоже научилась, а я не хочу. Мне что, ещё одна семья нужна, чтобы я окончательно запуталась, кто кому кем приходится?

— Васька!

— Фень, отстань. Не хочу я замуж. НЕ ХОЧУ. — Я даже ногой притопнула для убедительности, и от этого движения с полки с чучелом филина упала маленькая пыльная мышь — папье-маше, не настоящая, которую я когда-то склеила из газет и забыла на месте, и теперь она лежала внизу, раскинув лапки, и выглядела настолько жалко, что даже у меня совесть шевельнулась, но я решила не поднимать, пусть полежит, напоминает о моих творческих неудачах.

— Мало тебя пороли в детстве! — Фенька запустила в меня огрызком кренделя, прицелившись прямо в лоб, но я увернулась, инстинктивно пригнувшись — огрызок со свистом пролетел мимо моего уха, врезался в стену и медленно сполз на пол, оставив на обоях жирный след, похожий на карту неизвестного материка. Я мысленно отметила, что потом придётся оттирать, и что это уже вторая пятна за сегодня — первое оставила Августа своими мокрыми пальцами на моём чистом рукаве.

— Меня вообще не пороли, — гордо ответила я, вздёрнув подбородок, хотя внутри зашевелилось смутное сомнение, что, может быть, зря, ибо характер у меня вышел тот ещё.

— Вот и напрасно! — рявкнула Фенька, вскакивая с подоконника и отряхивая крошки с передника, при этом одна крошка упала прямо в её собственный тапок, но она не заметила, потому что была слишком занята моим воспитанием. — Может, тогда бы ты была покладистее и не доводила до истерики бедных аристократок, которые просто хотят любви и семейного счастья, а не воруют нос и читают им лекции о последствиях приворотов!

Дверь открылась — даже не скрипнула, а скорее жалобно взвизгнула петлями, которые я уже трижды смазывала магическим маслом, но они, видимо, жили своей жизнью и обижались на любое вмешательство, — и внутрь вкатился рыжий шар. Пушистый, с короткими лапами, растопыренными в разные стороны, как у перевёрнутой черепахи, и с явно недовольной мордой, которая на секунду мелькнула в оранжевом вихре — глаза были прищурены, усы топорщились, а нос подозрительно блестел, будто он только что сунул его в чью-то тарелку с жирным соусом.

— И что вы орёте, как оглашенные? — лениво поинтересовался он, трансформируясь в наглого кота с высочайшей степенью самомнения, которая вообще возможна у живого существа, — при этом он сначала почесал задней лапой за ухом, демонстрируя полное пренебрежение к нашему разговору, а затем уселся на пороге, демонстративно вылизал переднюю лапу, хотя я точно знала, что он только что лазил в кустах возле кухни, потому что на его шерсти застрял мелкий репей и подозрительный кусочек теста, и посмотрел на нас с таким видом, будто мы — его неразумные подданные, которые устроили скандал в тронном зале, в то время как король пытается подремать. — В коридоре аж слышно. Императорский дворец, между прочим, не хлев. Люди ходят, дела важные, советники шушукаются, а вы — «замуж, не замуж», словно на деревенском базаре торгуетесь за меренгу.

Я только плечами передернула, причём левое плечо дёрнулось сильнее правого — оставшееся явление после того ритуала, когда я перепутала ингредиенты и на сутки превратилась в ходячий электрошокер. Это был наш с Фенькой давний спор, который длился уже полгода и за это время успел обрасти множеством аргументов, контраргументов и личных оскорблений, переходящих в обмен сухими сухарями. Она считала, что родители отправили меня сюда не столько для практики, сколько чтобы подобрать мне жениха, мол, в Дартисе аристократов много, как грязи после дождя, и моя магическая кровь — товар штучный, редкий, как драко-

нии слёзы, и если его не реализовать вовремя, цена упадёт. Я же ждала желанную корочку о практике — ту самую бумажку с золотым тиснением и запахом официальных чернил, которую выдавали после ста рабочих дней, — и мечтала вернуться на Землю, к её удобствам, к горячей воде из крана, которая не пахла серой и не требовала подогрева магией, к интернету, где можно найти рецепт борща за три секунды, к нормальной пицце с тонким тестом и сыром, который не надо колдовать, чтобы он не превратился в лягушку в полночь.

— А ты не подслушивай, — проворчала меж тем Фенька, и в голосе её послышалась такая обида, что даже стёкла в оконной раме слегка задребезжали — или мне показалось.

И исчезла — растворилась в воздухе с лёгким хлопком, похожим на лопнувший мыльный пузырь, только с тем отличием, что вместо влажного следа остался слабый запах корицы и едва заметное колебание занавесок, которые на секунду колыхнулись, будто их коснулся невидимый сквозняк. Только крошки от кренделька остались на подоконнике, аккуратно разложенные в форме круга — Фенька никогда не ела аккуратно, но уж если обижалась, то делала это с композиционным размахом, — да лёгкий запах корицы, смешанный с ароматом обиженного домового, который я научилась различать за месяцы совместной жизни. Давала понять, что на этот раз разговор окончен, точка, приплыли, и вообще — демонстративно обиделась, причём так основательно, что, по моим прикидкам, не появится до следующего утра, если только в кабинете не случится пожар или кто-то не принесёт свежих пирожков.

— Опять тебя, Васька, замуж не выдали? — ехидно спросил Барсик, запрыгивая на любимое кресло возле окна, при этом он изящно изогнул спину, пытаясь изобразить грацию, но получилось у него, как обычно, что-то среднее между падением и кульбитом.

Прыжок вышел не очень грациозным — кот едва не свалился, зацепился когтями за подлокотник и сделал вид, что так и задумано, как будто он специально исполнял сложный акробатический этюд, требующий долгой подготовки, и при этом даже не поморщился, хотя я видела, как он больно стукнулся локтем передней лапы. Кресло, кстати, было его — оно стояло у самого батарейного отопления, которое здесь было магическим и грело с такой интенсивностью, что на расстоянии метра можно было сушить мокрые носки за пять минут, и Барсик проводил в нём по шестнадцать часов в сутки, растянувшись во весь свой немаленький рост, перевернувшись на спину и свесив лапы в разные стороны, урча так, что стекла дрожали. От этого кресло приобрело стойкий запах кошачьей шерсти и рыбы — причём рыбы, которую он таскал с кухни, несмотря на все мои запреты, и теперь это амбре въелось в ткань так прочно, что даже мой магический освежитель воздуха, пахнувший ландышами, сдавался на третьей секунде.

— Не опять, а снова, — хмыкнула я, складывая руки на груди, и при этом мои пальцы нащупали на левом рукаве ещё одно пятно — осталось после того, как я отодвинула кружку с чаем, и, кажется, теперь к старым травяным разводам добавился новый, чайный, который я буду оттирать ещё неделю. — Ты где шатался, бездельник? У поваров опять объедался или у горничных сплетни собирал?

— Я как раз не шатался, а узнавал новости, — последовал ответ, произнесённый с такой важностью, будто он был главным шпионом империи, а не просто толстым котом, который любил валяться на подоконниках. Барсик важно поднял хвост трубой — такой пушистой и толстой, что она походила на змею, проглотившую три обеда, — и прищурил зелёные глазищи, в которых заплясали хитрые огоньки, похожие на свет дворцовых свечей, отражённый в болотной воде. — А вот вы с Фенькой и правда баклуши бьёте. Спорите о том, чего уже сто лет обсуждаете. Развития никакого. Хоть бы завели новый скандал, что ли, вдохновение мне дали для агентурных докладов.

Из воздуха высунулась рука домовушки — пухлая, с короткими пальцами и маникюром, который она делала раз в год и считала, что это достаточно, — и отвесила Барсику звонкую затрещину, причём рука возникла прямо у его уха и исчезла так же внезапно, оставив только лёгкий ветерок и тихое фырканье из невидимого носа. Кот даже не вздрогнул, только ухом

повёл — левым, на котором, кстати, была давняя зарубка от схватки с дворовым псом, — и продолжал сидеть с королевским видом, будто мухи его не касались. Привык.

— Вот, — нравоучительно заметил он, поправляя усы кончиком лапы с таким достоинством, будто его оскорбили на высшем государственном уровне, но он великодушно прощает подданных. — Лупцуете почём зря бедное животное. А я, между прочим, агентурную сеть развиваю, связи налаживаю, с усадьбы на усадьбу бегаю, а вы тут стены сотрясаете.

— Бедные животные такими толстыми не бывают, — я сцедила зевоту в кулак, потому что разговор начинал меня утомлять, а за окном уже розовело солнце, намекая на вечернюю дремоту. На самом деле он был не то чтобы толстый — крупный, да, солидный, как маленький рыжий лев, который переел зебр на празднике урожая, и при каждом шаге у него колыхался животик, но Барсик предпочитал называть это «солидной комплекцией, достойной придворного кота». — Что узнал?

— К кронпринцу Ричарду невеста приезжает, — Барсик произнёс это таким тоном, будто сообщал о конце света, о вторжении армии демонов или о том, что во дворце кончилась сметана, — даже усы опустил для драматизма, и они повисли вдоль морды, как две печальные верёвочки, а глаза приняли выражение глубочайшей трагедии.

Тоже мне новость. Да об этом на каждом углу уже несколько недель говорят, причём разные версии обрастали такими подробностями, что даже самый изобретательный сплетник позавидовал бы.

Я вздохнула и потянулась к чашке с остывшим чаем — на поверхности уже образовалась тонкая плёнка, которую я не решилась пить, и просто поставила кружку обратно на стол, мысленно отмечая, что, наверное, стоит согреть её магией, но лень пересилила. В этом мире новости распространялись со скоростью магического ветра, и история с невестой кронпринца уже успела обрасти такими фантастическими деталями, что сама невеста, наверное, удивилась бы, узнав о своих якобы семи хвостах, о том, что она на самом деле — замаскированный дракон, или о том, что она приехала с армией говорящих хомяков, — и от этого у меня начинала болеть голова, потому что отделить правду от вымысла во дворце могли только кошки, и то не все.

Глава 3

Кронпринц Ричард, чистокровный дракон, был любимцем всех женщин империи — от юных барышень, только что вышедших из-под опеки гувернанток и мечтающих о первом бале, до старых графинь, которые уже трижды были замужем и в четвёртый раз не собирались, но при этом хранили у себя под подушками его портреты, вырезанные из придворных газет. Умный, галантный, красивый, с чувством юмора, кареглазый шатен — он был таким красавчиком, что, родись он на Земле, вполне мог сниматься для обложек глянцевого журнала, и не для каких-нибудь второсортных, где модели снимаются в позаимствованных костюмах на фоне ободраных стен, а для самых дорогих, где модели стоят по десять тысяч за кадр, пьют только минералку без газа и требуют, чтобы в гримёрке стояли свежие орхидеи, причём строго определённого оттенка фуксии. Но он родился здесь, в магмире, где вместо папарацци — магические кристаллы, фиксирующие каждый его шаг и передающие изображение прямо в зеркала знатных домов. Ещё и в семье императора. Получил при рождении все причитающиеся ему привилегии: золотую колыбельку, в которой, кстати, было выгравировано его гороскопическое древо, — няню-фею (между прочим, мою дальнюю родственницу, жутко вредную старуху, которая, как говорят, при первом же его крике запускала успокаивающее заклинание с такой силой, что в императорском саду засыхали розы), и личного учителя по этикету, который, говорят, довёл его до нервного тика в возрасте пяти лет, потому что требовал, чтобы наследник держал спину ровнее и не чавкал даже за закрытыми дверями.

Поговаривали, на нём висело множество защитных амулетов — все от сглазов, порч, приворотов и прочих «особенностей» подобных миров, где каждая вторая женщина, увидев его профиль, норовила заварить любовное зелье или нашёптывать имя принца в полночь перед чёрной свечой. Амулеты, кстати, были вшиты прямо в подкладку камзолов, и, по слухам, весили столько, что кронпринц каждое утро начинал с зарядки, чтобы не сутулиться — он поднимал по тридцать раз магическую штангу, а потом полчаса стоял у зеркала, проверяя, не перекосялся ли воротник от тяжести защиты.

Чуть ли не все мужчины империи завидовали ему, потому что он имел всё — и титул, и состояние, и внешность, и даже чешую цвета расплавленного золота, которую он демонстрировал только в особо торжественных случаях, а женщины мечтали если не улечься к нему в постель, то, по крайней мере, удостоиться его взгляда и улыбки, которая, по словам очевидцев, была способна растопить даже ледяное сердце вампира. Я сама видела, как одна графиня на приёме потеряла сознание, когда он просто кивнул в её сторону, и её пришлось уносить на руках двоим слугам, причём она продолжала шептать: «Боже, какой профиль» даже в обмороке. Правда, говорят, она и до этого была нервной — у неё, кажется, были проблемы с тиком, и она носила с собой флакончик с валерьянкой, — но факт остаётся фактом, и придворные сплетники ещё месяц обсуждали этот случай за каждым ужином.

Его высочество с детства был помолвлен с наследницей соседней империи, принцессой оборотней Адилией. Тоже красавица — статная, статная, как дуб в лесу, рослая, широкая в плечах, с походкой, от которой у придворных трепетало сердце, а у ковров от страха подгибались ворсинки, зеленоглазая блондинка с волосами, которые в солнечном свете отливали серебром, а в лунном — сталью, со второй ипостасью тигрицы — хищной, грациозной и очень опасной, особенно если её разбудить до завтрака. Говорят, когда она перекидывается, её полосы на спине складываются в затейливый узор, напоминающий древнюю руну процветания, и местные звездочёты уже три года изучают этот феномен, но пока пришли только к выводу, что «это добрый знак, и надо пить меньше вина». Она была завидной невестой: и титул — наследная принцесса, и приданое — три золотых рудника и два леса с магической древесиной, и охотничьи угодья размером с небольшую европейскую страну, где водились олени с

золотыми рогами и кабаны с бриллиантовыми клыками. Брак по расчёту вполне мог перерасти в брак по любви — по крайней мере, так писали в придворных газетах, которые ввали ничуть не меньше земных жёлтых изданий и даже больше, потому что им платили за яркие заголовки, а не за правду.

Драконы редко смешивали свою кровь с другими расами, считая себя небожителями, которые снизошли до жизни среди смертных лишь из чувства долга, — в отличие от тех же эльфов (те готовы жениться на ком угодно, хоть на каменном големе, потому что эльфы вообще любят все новое и экзотическое, включая браки с минералами), оборотней (у них племенные браки — это их всё, там даже есть специальные свадебные обряды с прыжками через костёр и поеданием сырого мяса на спор) или вампиров (тем вообще всё равно, главное, чтобы кровь была вкусная, с насыщенным букетом и не слишком густая, а титул — это уже приятное дополнение к ужину). Но здесь подобного действия требовали интересы государства: соседняя империя как раз владела месторождениями магических кристаллов, без которых драконья магия чахнет, как фикус без полива — сначала желтеют кончики крыльев, потом пропадает огненное дыхание, а в финале дракон начинает чихать искрами вместо полноценных вспышек, что на переговорах смотрится не очень внушительно. И потому жених с невестой, видевшие друг друга мельком, несколько раз на крупных событиях — и то в основном в толпе, с расстояния полёта драконьей стрелы, когда сложно разглядеть даже цвет глаз, не говоря уже о характере, — должны были теперь познакомиться и «притереться» друг к другу в этом году, чтобы пожениться в следующем, в идеально выверенный астрологами день, когда все звёзды сойдутся в нужном порядке, а луна будет правильной фазы.

«Притереться» — это, конечно, смешно. Два дракона (она оборотень, но тигрица — зверь серьёзный, почти драконьего калибра, с когтями, которыми можно вскрыть консервную банку за секунду, и с рыком, слышимым на три деревни) притираются обычно искрами и чешуёй, а иногда и случайными пожарами, если они не поделили территорию или кто-то из них наступил на хвост другому. Я уже мысленно готовила себе успокоительное покрепче — тот самый пузырёк с валерьяной и мятой, который я держала в сейфе рядом с договорами Августы, потому что когда драконы начинают выяснять отношения, даже стены дворца, по слухам, начинают нервно потеть.

Принцесса собиралась приехать со свитой, в которую входили оборотни обоих полов — целый караван из двадцати повозок, сопровождаемый охраной, поварами, портными, личным астрологом и тремя ручными волками, которые, как уверяли, были «просто домашними питомцами», хотя у меня от их взгляда по спине бежали мурашки. И весь двор уже готовился встречать будущих жениха и невесту, ходили слухи, присматривались пары, кто с кем станцует на балу, кто кому сделает предложение, кто кого случайно заденет локтем и устроит скандал. Аристократы потирали руки, потому что любой королевский визит — это возможность засветиться и, если повезёт, пристроить дочку за какого-нибудь богатого наследника; портные шили новые платья без остановки, иголки сверкали в их руках так часто, что казалось, будто в мастерских идёт дождь из серебра; кухня закупала мясо тоннами, потому что оборотни, как известно, едят много и с удовольствием — по слухам, одна тигрица-оборотень за завтраком способна осилить трёх куropаток и полкабана, не поморщившись. В общем, народ жаждал развлечений, императорский двор Дартиса последние месяцы скучал без приличного скандала — последний громкий случай был связан с тем, что какой-то барон перепутал заклинания на празднике и превратил императорские клумбы в полчище прыгающих кактусов, и теперь все ждали чего-то более грандиозного, а тут такое событие, целая принцесса с тигриными полосками.

Мне, пусть и не замужней даме, подобные вещи были не интересны, потому что я, в отличие от половины женского населения Дартиса, не мечтала о драконьем принце, а мечтала о тишине, тёплом чае, и чтобы никто не дёргал меня с вопросами: «А правда ли, что он такой же красивый вблизи?». Я целиком и полностью погрузилась в работу и не собиралась мешать её с

личной жизнью, даже если бы сам кронпринц пришёл ко мне с букетом — у меня, между прочим, аллергия на некоторые магические цветы, и он бы чихал три дня, не будь у него защитных амулетов. В моём кабинете скопилась кipa неразобранных заявок — от поиска пропавших колец (обычно они оказывались в карманах мужей, которые делали вид, что ничего не теряли) до снятия проклятий с фамильных туалетов (да, такое тоже бывает, не спрашивайте, как это работает, я сама в ужасе, когда впервые столкнулась с этим), и ещё три заявки на «сделайте так, чтобы моя свекровь перестала меня видеть в зеркалах», и одна на «приворожите мою собаку к соседской таксе, они такие милые, когда вместе играют» — последнюю я отложила отдельно, потому что даже я не знаю, как подойти к собачьей любовной магии с дипломом в руках. Вот отработаю практику, получу заветную «корку» — ту самую бумажку с золотым тиснением и восемью подписями, без которой меня никуда не возьмут в приличном мире, — вернусь на Землю и уже там начну присматривать себе жениха. Может быть, если настроение будет, и если он не будет пахнуть драконьей серой. И если он не будет лезть с разговорами по утрам, пока я не выпью кофе — чёрного, без сахара, сваренного в турке, а не заваренного магией, потому что магический кофе всегда отдаёт металлом. А пока — работа, работа, работа. И никаких принцев. Даже таких кареглазых, даже с идеальным профилем, даже с амулетами от всех проклятий. Нет, спасибо, я лучше с Августой разберусь, чем с драконьей свадьбой стану связываться.

— Это разве новость, — пренебрежительно хмыкнула я в ответ на слова Барсика, причём хмыканье вышло с лёгким присвистом, потому что я как раз заваривала себе чай и случайно вдохнула пар вместе с воздухом. — Об этой новости весь двор гудит уже несколько дней, даже конюхи в конюшне и те обсуждают, какая у принцессы будет карета и сколько лошадей её повезут. Я даже знаю, какую ткань на платье выбрала будущая свекровь — императрица, говорят, остановилась на серебряном парче с золотым шитьём, и это при том, что принцесса Адилия, по слухам, предпочитает охотничьи костюмы, а не бальные платья, — а мне, между прочим, это совершенно не нужно, потому что я фея-практикант, а не придворный модельер и не сваха.

— Так принцесса не одна приезжает, — хитро прищурился рыжий бандит, и его зелёные глаза сузились в две щёлочки, в которых заплескались огоньки такого ехидства, что я сразу поняла: сейчас он скажет что-то, отчего мне захочется запустить в него чашкой. Он сидел на подоконнике и хвостом рисовал замысловатые узоры на пыльной поверхности, причём узоры эти напоминали то ли руны, то ли карту местности, то ли просто его раздражённые каракули, потому что он не мог усидеть на месте и постоянно дёргал кончиком хвоста, поднимая мелкие пылинки, которые кружились в лучах розового заката. — А вместе со своими тремя сёстрами. А они, как ты помнишь, все не замужние, все в самом расцвете сил, все с охотничьими трофеями на стенах замка и с репутацией, от которой у женихов трясутся колени.

А вот это ой. Ой, Ой-Ой.

Четыре принцессы-оборотницы при дворе... Мама, роди меня обратно! У нас на Земле есть поговорка про четырёх бабок на одной лавке, но это не то. Это совсем не то, потому что бабки обсуждают погоду и огурцы, а принцессы-оборотницы обсуждают, у кого больше шкур на поясе и чей рык слышнее на три километра. Четыре принцессы-оборотницы — это четыре женщины с королевской кровью, которая бурлит и пенится у них в жилах, с острыми зубами, способными перекусить стальной прут без усилий, и с привычкой решать споры через мордобой, причём шум стоит такой, что стекла в соседних дворцах начинают нервно звенеть. Причём две из них, по слухам, ещё и магией владели — огненной, не дай боги, и если одна из них разозлится, то от канделябров останутся только воспоминания и лужицы металла на полу. Я даже прикинула вероятность того, что мне придётся их обслуживать, — примерно девяносто процентов, потому что я единственная фея-практикант в этом дворце, и все просьбы, связанные с «магической косметикой», «настройкой фамильных амулетов» и «снятием порчи с любимой тиары», летят прямиком ко мне.

Оборотницы, вампириши, эльфийки гордились своей красотой, так же, как драконицы – родовитостью. Чем чище была кровь у представительниц той или иной расы, тем прекрасней или «породистей» считались они, и все они измеряли свою ценность в поколениях, в длине ушей, в остроте клыков или в блеске шерсти — словом, в том, что не имело никакого отношения к уму, доброте или чувству юмора.

У эльфиек, например, уши должны были быть определённой длины и изгиба — ровно три сантиметра, с небольшим заострением на конце, и если ухо было чуть короче, то эльфийку могли не принять в высшее общество, и она сидела на всех балах у стены, демонстративно глядя в потолок.

У вампирш — клыки определённой белизны и остроты, настолько идеальные, что ими можно было вскрывать письма, не повредив бумагу, и они носили с собой специальные пилочки для заточки, как носат носовой платок.

А у оборотниц — блеск шерсти во второй ипостаси, который сравнивали с лунным светом, с отражением звёзд в горном озере, с поверхностью самого лучшего шёлка, и если шерсть была тускловатой, то оборотница могла заказать специальные мази и притирания, стоившие как небольшой корабль.

Драконицы же мерились количеством прапрабабушек, не запятнавших себя браками с низшими расами — у них водились специальные родословные книги, толщиной с энциклопедию, и они перелистывали их на приёмах с таким видом, будто это были любовные романы, и вздыхали над каждой страницей.

Я по сравнению с ними, невысокая, худая, рыжая, с зелёными глазами и со слегка вздёрнутым носом, который был усыпан веснушками — теми самыми, которые я ненавидела в детстве, а теперь просто игнорировала, — была как моль по сравнению с бабочкой. Или как воробей рядом с павлинами, которые распускают свои хвосты и кричат так, что уши закладывает. Мои крылья — полупрозрачные, с лёгким перламутровым отливом, как у стрекозы, которая купалась в молоке, — тоже не впечатляли: у настоящих фей-аристократок они переливались всеми цветами радуги и звенели на ветру, как арфы, издавая мелодичные звуки, от которых у придворных начинало щипать в носу. Мои просто тихо шуршали, когда я нервничала, — сухое, бумажное шуршание, как будто кто-то перелистывал старую книгу в соседней комнате, — и я всегда прятала их под мантией, чтобы никто не видел, как они дрожат от смущения. Не сказать, чтобы меня сильно задевала моя не особо яркая внешность — у меня, в конце концов, были диплом с красным тиснением, голова на плечах, которая мыслила логично даже по утрам, и кот, который умел говорить, что уже само по себе достижение и перекрывает любую внешнюю неидеальность, — но пересекаться сразу с четырьмя принцессами желания не возникало. Они такие красавицы, такие породистые, такие... громкие, и каждая из них привыкла, что вокруг неё вьются придворные, словно мухи над мёдом. Оборотницы, особенно в предвкушении охоты (а при дворе они, несомненно, будут охотиться на женихов, как на диких кабанов), создают много шума, и этот шум обычно слышен на три этажа вниз и на два крыла в стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.